

Блуждание, дрейфование, наследование: «Московский дневник» Вальтера Беньямина

ГЕРХАРД РИХТЕР

Заведующий кафедрой германистики, Брауновский университет.

Адрес: 190 Hope str., Providence, Rhode Island 02912, USA.

E-mail: gerhard_richter@brown.edu.

Ключевые слова: Вальтер Беньямин; «Московский дневник»; наследование; философия истории; Москва; интерпретация.

В эссе исследуется связь между беньяминовским понятием культурного, теоретического и личного наследования и его феноменологически ориентированным отчетом о Москве — «Московским дневником», написанным в зимние месяцы 1926–1927 годов. В беньяминовском блуждании по улицам Москвы, в его загадочных встречах с Маяковским, Белым и Лелевичем нераздельно обнаруживают себя практическое и концептуальное, опыт и текст. Акт текстуального наследования имплицитно содержит в себе перманентную возможность абсолютной неудачи, радикальной потери, непреодолимой конечности и безутешного траура — совсем как беньяминовский опыт самой Москвы, которая, по его словам, «нигде не выглядит как город».

Противопоставляемое систематичности и закрытости время наследования, как само время истории у Беньямина, выступает открытым, неисполненным и потому ориентированным в совершенно ином направлении. Эти новые формы наследования и сопутствующие им акты чтения оказываются совместимыми как с императивом неспешности, заботы и осмотрительности, так и с неодолимой политической безотлагательностью. Последняя не только переплетается у Беньямина с образом Москвы, но и возникает вновь два года спустя в эссе о сюрреализме, где воплощается в образе будильника истории, отмеряющего блуждание sixty-six ударами в минуту.

КРИТИЧЕСКОЕ прочтение «Московского дневника» в терминах *блуждания* и *дрейфования* позволяет не только пересмотреть философские ставки на этом пути, но переопределить себя, переопределиться самим, пройдя по маршруту, метко названному «дрейфом истории». Я буду исходить из того, что это блуждающее и дрейфующее движение встроено в беньяминовскую констелляцию с его заинтересованностью другим ключевым понятием — наследования. Продолжаем ли мы наследовать Беньямину спустя столько лет? Остановимся ли мы когда-нибудь в этом наследовании? Что означает перестать наследовать Беньямину и что может значить унаследовать его?

Для меня наследование Беньямину — это всегда самонаследование. Мое первое знакомство с ним произошло благодаря одному просвещенному преподавателю философии в кёльнской гимназии, особенно интересовавшемуся ранней франкфуртской школой и ее взглядом на историю философии. Он читал с нами Платона, Декарта, Гегеля и других авторов. Когда после «Иметь или быть?» Эриха Фромма и «Диалектики просвещения» Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно очередь дошла до «Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости», я был сбит с толку этим безапелляционным, труднодостижимым способом мышления. Но, уже ощущая глубокое родство с пронзительными и поэтическими тропами писателя, я начал — медленно, кропотливо и вместе с тем, я это чувствовал, всегда неполно — наследовать Беньямину.

И именно в этом отношении дает о себе знать мышление Ницше, неизменный беньяминовский интертекст. В одном знаменитом пассаже «Воли к власти» Ницше говорит о «тех вневременных мигах... когда ты сам решительно не знаешь, насколько ты уже стар и сколь молод еще будешь»¹. Применительно к моменту

Перевод с английского *Ирины Казаковой*.

Первая версия этой статьи была прочитана в качестве доклада в Принстонском университете в ноябре 2015 года на симпозиуме под названием «Блуждание: дрейф истории в „Московском дневнике“ Вальтера Беньямина»; другая версия — «„Московский дневник“ Вальтера Беньямина и странствия западного интеллектуала через бедствия в России» — была представлена в Санкт-Петербургском государственном университете

наследования это, с одной стороны, радикальное начинание, с другой — увековечивание чего-то древнего². Если Ницше подчеркивает, казалось бы, парадоксальную, заложенную внутрь определенного наследия возможность того, что чья-то молодость все еще может быть впереди, даже на позднем этапе жизни, то тем самым он оставляет открытой в качестве потенциальности трансформацию в нечто новое и молодое и одновременно — обсуждение способов, которыми запоздавшая юность всегда должна быть вписана в «последущность» (*afterness*) жизни уже прожитой, в наследование прожитой жизни, которое фактически создает возможный опыт юности, которая могла задержаться. Разворачивающийся здесь опыт дрейфует среди многочисленных векторов прерывистого времени; он отбивается от прошлого, даже порывает с ним, но вынужден раз за разом вновь возвращаться к нему, чтобы отыскать и обрести в нем свою (действительную или воображаемую) исходную точку.

Когда Беньямин пишет, что то, с чем он сталкивается во время своего пребывания в Москве, — «те конкретные феномены повседневной жизни, которые затронули меня наиболее глубоко... даже более несоизмеримы тому, что я ожидал», не только в отношении его эротического интереса к Асе Лацис, но и в отношении его опыта переживания города и его культуры как таковой, то он находит себя дрейфующим среди системы знаков, которая отказывается поддаваться герменевтической релевантности³. В письме Мартину Буберу, написанном 23 февраля 1927 года, спустя всего три недели после возвращения из Москвы, Беньямин объясняет специфический риторический модус своих московских размышлений. Как указывает Шолем, «о собственной оценке Беньями-

в мае 2016 года на V Международной конференции по компаративным исследованиям национальных языков и культур «„Московский дневник“ Вальтера Беньямина и хождения западных интеллектуалов по мукам России (XX век)». Они включают материалы из главы «Тело Беньямина: инаковость физического тела в „Московском дневнике“» в книгах «Вальтер Беньямин и физическое тело автобиографии» (*Richter G. Walter Benjamin and the Corpus of Autobiography. Detroit: Wayne State University Press, 2000. P. 125–162*) и «Наследуя Вальтеру Беньямину» (*Idem. Inheriting Walter Benjamin. L.: Bloomsbury, 2016*).

1. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. С. 543. — *Прим. ред.*
2. Цит. по: *Lingis A., Zournazi M. Murmurs of Life: A Conversation with Alphonso Lingis // Hope: New Philosophies for Change / M. Zournazi (ed.). N.Y.: Routledge, 2002. P. 41.*
3. *Benjamin W. Briefe. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1966. S. 443f* (англ. изд.: *Idem. The Correspondence. 1910–1940. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 314*). Далее в скобках приведены страницы английского издания. — *Прим. ред.*

ном его опыта в Москве можно весьма точно заключить из письма Буберу», даже если Шолем сам воздерживается от интерпретации этой оценки⁴. Беньямин излагает:

Мое представление⁵ будет лишено всякой теории. Таким способом я надеюсь преуспеть в позволении всему сотворенному живому говорить самому за себя, поскольку мне удалось ухватить и передать этот совершенно новый и дезориентирующий язык, который эхом громко отражается через оглушительный маскарад полностью преобразованной окружающей обстановки. Я хочу создавать описание Москвы в настоящий момент, в который «вся действительность уже есть теория» и который будет, таким образом, избавлен от каких-либо дедуктивных абстракций, от какого-либо прогнозирования и, в определенных пределах, даже от какого-либо суждения⁶.

Беньямин здесь ставит телесное, тварное (как живого организма) измерение своего проекта Москвы в концептуальное отношение с его теологической интонацией (частично в ответ на Германа Когена и марбургское неокантианство). Цитируя выражение Гёте «все фактическое уже есть теория» (*alles Faktische schon Theorie ist*), он актуализирует сеть культуральных и эстетических отсылок к привилегированному месту литературы и искусства документального стиля, что пропагандировалось в том числе издателями «Левого фронта» и сюррелиастическим ответвлением советского конструктивизма, а в Германии — эстетическим движением «Новая вещественность». Однако высказывания Беньямина не подразумевают, что его описательный подход будет избегать теоретического как такового. Наоборот, возникающее из описания уже пропитано теоретическим, если не считать, что это теоретическое измерение не является продуктом интенциональной функции автора — формы суверенного сознания по имени, например, Вальтер Беньямин. Необходимо предположить эту критическую позицию в отношении письма Беньямина, если есть намерение по достоинству оценить опыт получения наследия (*legacy*) (здесь — специфического русского наследия), которому есть желание наследовать, но которое не может пониматься как данное очевидным образом.

4. Шолем Г. Предисловие // Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. Ромашко; предисл. Г. Шолема. М.: Ad Marginem, 2014. С. 9.

5. *Darstellung* (нем.) — термин со сложной традицией в работах Беньямина.

6. *Benjamin W. Briefe*. P. 442 f (313 f).

Так же как никакой акт наследования идиоматике Москвы сам по себе не поместил бы Беньямина в позицию совершенного обладания (а равно и никакое владение мастерством блуждания или дрейфования), так и никакой акт наследования «Московского дневника» Беньямина сам по себе не поместил бы наследника в позицию настоящего преемника. По крайней мере, если под преемником не понимается кто-то, кто получает само-идентичное наследие, включающее прозрачные и понятные указания, которые могут по желанию быть исполнены, — систематический подход к языку, набор устойчивых понятий или унифицированную философию истории. Не случайно, что уже молодой Гегель делает наблюдение: «в отношении внутренней сущности философии нет ни предшественников, ни последователей»⁷. Это так отчасти потому, что философия, согласно гегелевской логике, является местом, где разум производит размышление над самим собой, деятельностью, в которой основной набор проблем вновь и вновь саморефлексивно схвачен, безотносительно индивидуального мыслителя, который действует как агент или как место рефлексии в каком бы то ни было частном случае. Таким образом, уже гегелевская мысль скорее проблематизирует само понятие интеллектуального наследия, нежели принимает его самоочевидность, не требующую дальнейшего обсуждения.

Аподиктическое утверждение Гегеля должно быть созвучно читателям «Московского дневника» Беньямина. Как бы там ни было, идея о том, что нам следует знать, как сегодня наследовать мышлению и письму Беньямина, вовсе не самоочевидна. Мышление Беньямина само по себе укоренено в убеждении, что наследование опосредовано не только языком, но и происходит в языке. Как он пишет во фрагменте о способе наследования, называемом переводом, «нет мира мысли, который не был бы миром языка, и только то видно в мире, что заранее предполагается посредством языка»⁸.

7. ...in Rücksicht aufs innere Wesen der Philosophie gibt es weder Vorgänger noch Nachgänger (Hegel G. W. F. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie // Werke / E. Moldenhauer, K. M. Michel (eds). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1986. Vol. 2. P. 17). Если не указано иное, переводы в этой статье выполнены мной. При цитировании опубликованных переводов я время от времени их видоизменял для усиления их точности в соответствии с оригиналом или подчеркивания определенного аспекта или тона данной фразы или пассажа, которые полностью приведены в оригинальном виде, но могут быть менее понятны в уже существующем переводе. То, что говорит Беньямин, никогда не может быть отделено от того, как он это говорит.

8. Es gibt keine Gedankenwelt, die nicht eine Sprachwelt wäre, und man sieht nur das an Welt, was durch die Sprache vorausgesetzt ist (Benjamin W. La traduction — le pour et le contre // Gesammelte Schriften. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991. Bd.

Это предвращение языком требует постоянной настройки на текстуальный базис познавательной способности, беспрестанной интерпретации и переинтерпретации тех способов, с помощью которых язык делает мир тем, чем он является нам.

Это та неизменная захваченность языком — как беньяминовская, так и наша захваченность языком Беньямина, — которая структурирует опыт наследования его слов. Ховард Эйланд и Майкл Дженнингс в своей недавно вышедшей критической биографии Беньямина, обсуждая вопрос о том, почему сегодня его «работы все еще так требовательно говорят как обычному читателю, так и ученому», пишут:

Гений Беньямина позволил ему найти формы, глубина и многосложность которых, в полной мере сравнимые с таковыми у его современников Хайдеггера и Виттгенштейна, могут находить отклик через непосредственно захватывающий и запоминающийся стиль его сочинений. Чтение Беньямина поэтому является опытом не в меньшей мере чувственным, чем интеллектуальным. Это как первый вкус печенья мадлен, окунутого в чай: смутно всплывающие в памяти миры распускаются в воображении. И как фразы задерживаются, еще не исчезают, сбиваются в плеяды и начинают перемешиваться, они едва заметно настраивают самих себя на возникновение рекомбинаторной логики, медленно высвобождая свой дестабилизирующий потенциал⁹.

Определенно, необычайные интеллектуальные и чувственные удовольствия, которые архив Беньямина продолжает производить своими дестабилизирующими прозрениями, создадут нескончаемую вовлеченность в его духовное наследие. Даже если Беньямин просто составляет педагогические радиобеседы для детей или всего лишь что-то небрежно записывает, как во время своего наркотического эксперимента в 1934 году с исследователем аддикций Фрицем Френкелем, очарование его письма продолжает захватывать читателей¹⁰.

VI. S. 158 (англ. изд.: *Idem*. Translation — for and against // *Selected Writings* / M. W. Jennings et al. (eds). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. Vol. 3. P. 249)).

9. *Eiland H., Jennings W. M. Walter Benjamin. A Critical Life*. Cambridge, MA; L.: Belknap Press of Harvard University Press, 2014. P. 3 (рус. пер.: *Эйланд Х., Дженнингс М.* Вальтер Беньямин: жизнь в критике. М.: ИД «Дело», 2017).

10. Анализ радиобесед Беньямина для детей предложен в: *Mehlman J. Walter Benjamin for Children: An Essay on His Radio Years*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. Протокол времен его наркотического экспе-

Хотя есть среди читателей Бенямина и такие (теперь уже бывшие), кто отходит от него, обнаружив, что не желают или не способны продолжить это наследование. К примеру, хорошо известный немецкий критический теоретик и медиаученый Норберт Болц, который не только писал свою диссертацию по эстетической теории друга Бенямина, Теодора Адорно, но также опубликовал серию влиятельных эссе и книг о самом Беняmine, недавно признался: «У меня есть сомнения. Я более не способен узнать что-либо из Адорно или Бенямина»¹¹. Разумеется, наследующий всегда может отказаться наследовать, даже если природа какого-то отдельного наследия может не оставить ему выбора в этом вопросе, навязывая себя, даже вмняя себя кому-то, кто должен получить его. Это якобы странное наследование завещанных нам зачастую аподиктических, меланхолических и трудно поддающихся пониманию мыслей и рассуждений Бенямина нелегко подогнать к врученным нам интеллектуальным регистрам, особенно сегодня, более чем через три четверти столетия после его преждевременной смерти, ставшей результатом нацистских преследований.

Порою может казаться, что легче отречься от трудно постижимого наследства Бенямина, побудив *его* лишиться *нас* наследства, оттолкнув наследие или традицию мышления, которая застенчиво отказывается поддаваться производству стабильного понима-

римента см. в: *Schestag T.* «Diese Hand...»: Walter Benjamin kritzelt // Lesen — Sprechen — Schreiben (Kritzeln). B.: Matthes und Seitz, 2014. S. 67–117.

11. *Bolz N.* Gnosis and Systems Theory: A Conversation between Norbert Bolz and Michael Hirsch // Adorno Th. The Possibility of the Impossible / N. Schafhausen et al. (eds). B.: Lukas & Sternberg, 2003. P. 105. Здесь должно быть отмечено также, что в противоположность этой позиции в последние годы можно было наблюдать множество особенно решительных попыток наследования Бенямина весьма неожиданными и ранее мало разработанными способами. Среди прочего см.: *Fenves P.* The Messianic Reduction: Walter Benjamin and the Shape of Time. Stanford: Stanford University Press, 2011; а также: *Friedlander E.* Walter Benjamin: A Philosophical Portrait. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. Каждый из этих авторов по-своему работает над тем, чтобы поместить работы Бенямина в контекст философской современности и европейского философского наследия. Ср. также: *Benjamin A. E.* Working with Walter Benjamin: Recovering a Political Philosophy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013; *Menke B.* Das Trauerspiel-Buch: Der Souverän — das Trauerspiel — Konstellationen — Ruinen. Bielefeld: Transcript, 2010; *Urbich J.* Darstellung bei Walter Benjamin: Die “Erkenntniskritische Vorrede” im Kontext ästhetischer Darstellungstheorien der Moderne. B.: De Gruyter, 2012. Каждый из них своим способом пытается изложить некий набор принципов, который мог бы помочь критическому дискурсу открывать наследие Бенямина сегодня — работая именно с его концептами.

ния самотождественной системы понятий. Конечно, для нас, как наследников Беньямина, вопрос сейчас состоит в том, как мы можем наследовать ему сегодня, удерживая перед глазами свои собственные исходные условия из *ego* позиции, а не сводя его к некоторой категории, той или иной установленной инструментальности, функции или «полезности» в отношении других мотивов. Такой сдвиг перспективы не будет иметь ничего общего с некритическим почитанием или даже агиографией. Славой Жижек хорошо говорит об этом, когда утверждает, что

...если мы имеем дело с поистине крупным философом, реальный вопрос, который должен быть поднят, касается не того, что этот философ может еще поведать нам, что еще он может значить для нас, но скорее наоборот — а именно, что есть мы, что наша современная ситуация могла бы значить в его глазах, какой наша эпоха явилась бы его мышлению¹².

Такая смена фокуса открывает доступ возможностям наследования того, что осталось непомысленным.

Наследование интеллектуального наследия, особенно таких трудных работ Беньямина, как «Московский дневник», не самоочевидно — дело, которое должно быть инициировано и завершено всякий раз, когда бы его мы ни выбрали, — но, скорее, является собой открытый вопрос. Беньямин пишет в своем раннем наброске «Барочная драма и трагедия»:

Время истории бесконечно в каждом направлении и в каждый момент [еще] не осуществлено. Это значит, что не является мыслимым никакое единичное эмпирическое событие, которое находилось бы в необходимом отношении к отдельной исторической ситуации, в которой оно было произведено¹³.

Вовсе не допуская а-исторической перспективы *vis-à-vis* события, Беньямин хочет подчеркнуть пути, на которых возможное *отношение* к событию (такому, как его московское путешествие) становится вопросом его наследования, то есть обучения его прочтыванию и отношению к нему таким способом, который не предвиден, требует актов интерпретации и к которым наследующий субъект

12. Žižek S. First as Tragedy. Then as Farce. L.: Verso, 2009. P. 6.

13. Benjamin W. Trauerspiel und Tragödie // Gesammelte Schriften. Bd. II. S. 134 (англ. изд.: *Idem*. Trauerspiel and Tragedy // Selected Writings. Vol. 1. P. 5).

не может быть подготовлен заранее. Но, другими словами, наше понимание отношения между текстуальным высказыванием или другим феноменом и его частной исторической ситуацией — Москвы 1920-х годов, так же как Берлина и Парижа, — таким образом, не предрешено *a priori* некоей якобы наличествующей необходимостью, но, скорее, является делом обучения тому, как читать и интерпретировать в будущем, то есть делом обучения наследованию.

Это обучение тому, как наследовать, обнаруживающее радикально наследуемую природу всего подлинного знания, пронизывает во множестве тональностей весь беньяминовский корпус. Уже в сентябре 1917 года в письме Шолему Беньямин настойчиво утверждал, что «традиция есть средство, которым личность, непрерывно обучающаяся, сама обращается в личность, которая обучает» (*die Tradition ist das Medium in dem sich kontinuierlich der Lernende in den Lehrenden verwandelt*). Он акцентирует способы, которыми интеллектуальный наследник,

...приобщающийся к традиции своим собственным способом, делает это, будучи в коммуникации в процессе обучения. Знание становится передаваемым только для человека, который понял свое знание как нечто, что было передано. Он становится беспрецедентно свободным¹⁴.

Не может быть наследования традиции без бесконечной трансформации, в которой получающий (*der Lernende*) становится также передающим (*der Lehrende*), но нельзя иметь что-либо для передачи без предварительной борьбы за получение этого и без открытия в этом вызова для себя. Задача, как Беньямин говорит нам, состоит в том, чтобы постичь, что архив всех знаний, которым кто-либо может владеть, происходит откуда-то еще. То есть это знание есть унаследованная традиция, к которой некто выбирает отнестись особым и непрограммируемым способом. В самом деле, не может быть *Überlieferbarkeit* интеллектуальной традиции, возможности для наследства быть переданным или врученным из рук в руки без предварительной борьбы с заложенным в нем статусом наследия и передачи.

Когда Беньямин говорит о том, что определенный опыт свободы наполняет этот момент постижения (*begreifen*), он смягчает его

14. ...auf seine Weise die Tradition umfaßt und lehrend mitteilbar macht. Wer sein Wissen als überliefertes begriffen hat, in dem allein wird es überlieferbar, er wird in unerhörter Weise frei (*Idem*. Gesammelte Briefe. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1995–2000. Bd. I. S. 382 (англ. изд.: *Idem*. The Correspondence. P. 94)).

наречием *unerhört*, указывающим на опыт бытия *in unerhörter Weise frei*, беспрецедентном или, более буквально, *неслыханном* бытии свободным. Этот радикальный опыт свободы отличается от какого бы то ни было ожидаемого или более знакомого понятия свободы, в котором этот опыт основан на понимании знания как вопроса наследуемой передачи (*Überlieferung*) и передаваемости (*Überlieferbarkeit*). Свобода, которую влечет за собой это специфическое знание о передаваемом, наследуемом статусе всех знаний, разворачивается на уровне неуправляемого, в цезуре, которая прерывает ожидаемые пути связывания понятия и опыта свободы. Не случайно Беньямин использует слово «неслыханно» в этом контексте, потому что, в дополнение к «беспрецедентному», это также означает «скандальное» или «возмутительное». Свобода, которая направляет внимание на акт наследования — акт постижения (*begreifen*) знания как модуса передачи и рецепции, — также есть вопрос скандала и возмущения, в силу того что она не может полностью подстроиться под установленные конвенции, авторизованные процедуры или легальные нормы наследования. То, что «неслыханно» касательно свободы, здесь поставлено на кон, а именно те способы, которыми такая свобода допускает неожиданные, ранее неизвестные модусы отношения к наследуемому знанию или переданному наследию. Опыт наследника как того, кто получает и передает традицию, отмечен свободой, которая отдает себе отчет в своей не-свободе (в том, как она относится и отвечает на то, что пришло до нее) и которая подтверждает свой собственный статус как свободы именно стремлением к раскрытию того, как относиться к традиции новым и особенным образом.

Ницше, без которого Беньямин не мог себе представить наследование, в книге «Так говорил Заратустра» отчетливо тематизирует всегда-упорствующий акт наследования-чтения в контексте размышления о генеалогии. Мы встречаем следующее замечание в разделе «О дарящей добродетели» (*Von der schenkenden Tugend*):

Как это ни прискорбно, много невежества и ошибок укоренилось в нас! Не только разум тысячелетий, но и их безумие прерывается в нас (*auch ihr Wahnsinn bricht an uns aus*). Быть наследником опасно (*Gefährlich ist es, Erbe zu sein*)¹⁵.

15. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Kritische Studienausgabe / G. Colli, M. Montinari (eds). München; B.: Deutscher Taschenbuch; De Gruyter, 1999. Bd. 4. S. 100 (англ. изд.: *Idem*. Thus Spoke Zarathustra / A. Del Caro, R. Pippin (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 58. Далее в скобках приведены страницы английского издания. — Прим. ред.). Здесь

Мишень ницшевской критики разума — не просто способ, которым определенные отклонения от триумфального шествия разума своей инаковостью заслуживают быть обособлены для критицизма и коррекции. Наоборот, прозрение Заратустры в точности о том, что интеллектуальное наследование отмечено неизживаемой опасностью получить вместе с наследием, а иногда и вместо него определенное «безумие» (*Wahnsinn*). Противоположный случай: даже сами по себе инструменты могут *быть* опасными. Для Ницше непреодолимая опасность быть наследником сконцентрирована в обсуждении Заратустрой смерти и даже самоубийства в связи с наследованием:

Кто имеет цель и наследника (*Wer ein Ziel hat und einen Erben*), тот хочет вовремя смерти для своей цели и наследника. И из глубокого почитания своей цели и наследника более уже он не повесит сухих венков в святилище жизни¹⁶.

И что может значить «вовремя» по отношению к намеченной цели и признанному наследнику? Когда наступает час наследника? И что за цель связывает того, кто уходит, с фигурой наследника? Если это опасно — быть наследником, как подчеркивает Ницше, то мы оказываемся в царстве наследства, в котором постоянно призваны обсуждать эти вопросы заново, поскольку они навсегда переплетены с понятием и опытом интеллектуального наследования самого по себе.

В акте получения наследия мощь интеллектуального наследства не всегда можно отличить от его же собственной слабости. С точки зрения наследника, предрешенность вопроса вовсе не необходима, сила ли это или, скорее, слабость наследия, которая затем должна рассматриваться как более сильная или более решающая сила в собственном отношении к наследию. Как предполагает Жак Деррида, имея в виду беньяминовские «Тезисы по философии истории»,

...и Ницше, и Беньямин подтолкнули нас к сомнениям на этот счет, каждый своим собственным образом, и особенно последний, когда он соединил «исторический материализм» с наследованием как раз «слабой мессианской силы»¹⁷.

я следую своей работе о Ницше и Жаке Деррида: *Richter G. Verwaiste Hinterlassenschaft. Formen gespenstischen Erbens*. В.: Matthes & Seitz, 2016.

16. *Nietzsche F.* Op. cit. S. 94 (54).

17. *Derrida J.* Spectres de Marx. P.: Galilée, 1993. P. 95 (англ. изд.: *Idem.* Specters of Marx / P. Kamuf (trans.). N.Y.: Routledge, 1994. P. 55). Далее в скобках приведены страницы английского издания. — Прим. ред.

Как Деррида напоминает нам в своей книге о Марксе, «никогда не происходит наследования без объяснения (*s'expliquer avec*) со своего рода призраком и, стало быть, с более чем одним призраком»¹⁸. Это вечное «объяснение с» есть частная форма, которая предполагает нашу настойчивую, неотступную вовлеченность в эту призрачность, наш духовно-потусторонний диалог со смертью. Условием для возможности такого призрачного вовлечения в наследование является устойчивость наследия в отношении проницаемости и понимаемости. Деррида размышляет:

Если разборчивость наследия была дана естественно, прозрачно, недвусмысленно (*Si la lisibilité d'un legs était donnée, naturelle, transparente, univoque*), если не призывала в то же самое время отказаться от интерпретирования, мы бы никогда ничего не наследовали из него (*si elle n'appelait et ne défiait en même temps l'interprétation, on n'aurait jamais à en hériter*). Мы были бы задеты им как причиной — естественной или генетической. Наследуют всегда из тайны, которая говорит: «Прочти меня, будешь ли когда в состоянии это сделать?»¹⁹

Наследование означает наследование от тайны, то есть от языка, который демонстрирует самого себя лишь настолько, чтобы быть распознанным *в качестве* языка, но не дает инструментов, с помощью которых можно было бы разобраться с ним. Чтение его остается необходимым, но всегда ускользает от завершения.

Наследовать — значит *интерпретировать*. Наследство, которое передается нам из рук в руки, едва ли может быть надежным, но, скорее, ставит нас перед трудностями предъявления себя в качестве ответственных наследников в отношении чего-то, что и манит нас, и сопротивляется нам. Исход акта наследования никогда не может быть удостоверен в акте восстановления утраченного или устранения утраты в форме искупления. Заманчивым может показаться принять за чистую монету случайную беньяминовскую концентрацию тропов искупления и восстановления утраченного, как это делается в некоторых исследованиях Беньямина. Даже такой аккуратный, эрудированный и вызывающий всяческое уважение ученик Беньямина, как Штефан Мозес, придерживается этого оптимистичного взгляда:

18. Ibid. P. 46 (21).

19. Ibid. P. 40 (16).

Что касается Беньямина, он предложил видение истории, в которой ничто не приносится в жертву, ничто не теряется навсегда. Если каждый момент прошлого может быть вновь актуализован, переигран при других условиях на новом этапе, ничто в человеческой истории не является непоправимым²⁰.

С этой точки зрения «исправление ошибок прошлого» остается настоящей возможностью. Но такая интерпретация в конечном счете оказывается приписыванием Беньямину квазигегельянской позиции, которой он не разделял. Для гегельянской диалектической системы, как она всем известным образом очерчена в «Феноменологии духа», в конце действительно ничего не утрачено, поскольку все может быть и будет переначертано в форме устранения, в прогрессивном движении самой диалектики. Каждая утрата есть лишь утрата для сущего во времени (*time being*) — его устранение и вновь-интеграция в движение *Geist* будет его понятийным искуплением. Если внутри логики гегелевской системы можно утверждать, что существует определенная неспособность скорбеть, то в мире Беньямина положение дел совершенно иное. Но даже (в особенности) в акте наследования не может быть ни достоверного возвращения утраченного, ни предполагаемого искупления жертвы. Ничто не гарантирует искупления (ни в понятии, ни в опыте) дрейфующего движения Беньямина по улицам Москвы, его таинственных встреч с Владимиром Маяковским, Андреем Белым и Лелевичем или его печального опыта журналистской деятельности, когда, например, интервью, которое он предоставил московской газете, было опубликовано в крайне искаженном виде. Разумеется, акт наследования замысловато связан с постоянной вероятностью абсолютного провала, радикальной утраты конечности, которой не избежать, не обойти, и безутешной скорби — во многом как и сам беньяминовский опыт Москвы, в которой, как он пишет, «нигде Москва не выглядит как сам город»²¹.

Эта перманентная возможность, таким образом, объясняет, почему Беньямин мыслит отношение между *Erbe* и *Rettung* (восстановление утраченного, спасение, искупление, избавление) скорее как вид понятийного труда на двойной оси обещания и не-

20. *Mosès S. The Angel of History: Rosenzweig, Benjamin, Scholem.* Stanford: Stanford University Press, 2009. P. 125.

21. *Benjamin W. Moscow Diary / R. Sieburth (trans.).* Cambridge, MA; Harvard University Press, 1986. P. 67. В русском переводе: «Москва вообще повсюду производит впечатление, будто это еще не сам город, а его предместье» (*Беньямин В. Московский дневник.* С. 110).

удачи, нежели как триумфальное свершение²². В «Проекте аркад» (*Passagen-Werk*) Беньямин замечает:

От чего [нужно] спасти феномены? Не только и не столько в основном от сомнительной репутации и пренебрежения, в котором они оказались, но от той катастрофы, которая очень часто представлена посредством определенных средств их передачи (*Überlieferung*), их «признания в качестве наследия или наследства» (*Würdigung als Erbe*). Они спасаются через выставление разрыва (*Sprung*) внутри себя. Существует передача, которая по сути своей — катастрофа²³.

Если наследование феномена влечет за собой обучение тому, чтобы относиться к *Erbe* способом, который является не только катастрофически вручающим (*handing-down*), тогда наследник обязан направить внимание на разрыв или трещину (*Sprung*), которая прорывает то, что должно быть унаследовано. Для Беньямина катастрофическая форма получения и передачи наследия появляется, когда его стабильность и самоидентичность принимаются как само собой разумеющиеся, то есть когда наследник оказывается глух к специфическим и весьма поучительным способам, которыми наследуемый феномен, сущность или архив сопротивляются признанию. «Спасти» феномен в беньяминовском смысле означает унаследовать его как не поддающуюся упрощению, превращению загадку, которой он является, — и всегда пытаться интерпретировать его снова и снова. Остается в этой отдельной форме спасения беспредельная устойчивость к замыканию, сворачиванию и завершению, другими словами, никогда не прекращающийся акт наследования.

Проблема наследования возникает как силовое поле различий и отсрочек, которые размещаются в ядре призрачной логики и после-жизни (*afterlife*) наследия. Как признает Жак Деррида, он «уже всегда узнаёт» себя в «фигуре наследника», которая напоминает нам, что, когда речь заходит о наследовании, «необходимо делать все для признания прошлого, даже если при этом мы знаем, что оно остается в основе своей непризнаваемым, относится ли этот вопрос к фи-

22. В плане более детальной разработки этого аргумента см.: Richter G. Can Anything Be Rescued by Defending It? Benjamin with Adorno // *Differences*. 2010. Vol. 21. № 3. P. 34–52.

23. Benjamin W. *Passagen-Werk* // *Gesammelte Schriften*. Bd. V. S. 591 (англ. изд.: *Idem*. *The Arcades Project* / Н. Eiland, К. McLaughlin (trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 473). Далее в скобках приведены страницы английского издания. — Прим. ред.

лософской памяти или к первоочередности языка, культуры и происхождения в общем?»²⁴ Для него захваченность наследованием

...означает не просто принятие этого наследства, но возобновление его другим способом и удержание живым. Не выбор его (ибо то, что характеризует наследство, есть, прежде всего, то, что его не выбирают; это то, что насильственно избирает нас), но выбор удерживать его живым²⁵.

Если существует

...внутреннее напряжение по отношению к наследованию [и если] наше наследование определяет для нас противоречивые задачи (получить и при этом выбирать, радушно принимать, что приходит до нас, и тут же переинтерпретировать это и т. д.), причина в том, что это есть свидетельство нашей конечности. Лишь конечное бытие сущего (*being*) наследует, и его конечность *обязывает* его²⁶.

Поскольку наследования не может быть без конечности (разделенной конечности, которая связывает себя с другим), мышление наследования, таким образом, должно столкнуться с двойным обязательством: наследство «само по себе», то есть его «содержание», и именно сама конечность, горизонт которой впервые делает возможным акт наследования.

Природа этого обязательства такова, что наследник наследства призван выбирать и, таким образом, также проводить исключение, выставлять себя ответственным за наследство, обучаясь откликаться на него, отвечая на него ни на что не похожим способом. Деррида объясняет:

Понятие ответственности не имеет смысла вовсе вне опыта наследования... Человек ответственен перед тем, что приходит до него, но и перед тем, что еще должно прийти, и потому — перед самим собой. Двойное *перед*, одно есть также долг, когда мы говорим *devant ce qu'il doit: перед* тем, что он должен сделать и то самое *должное*, что он *должен*, раз и навсегда, наследник задолжал

24. Derrida J., Roudinesco E. For What Tomorrow... A Dialogue / J. Fort (trans.). Stanford: Stanford University Press, 2004. P. 3.

25. Ibidem.

26. Ibid. P. 4–5.

вдвойне. Это всегда вопрос своего рода анахронизма: упреждать во имя того, что пришло до нас, и упреждать само имя! Изобрести собственное имя, иначе расписаться, в каждом случае уникальным образом, но во имя переданного имени, если это возможно!²⁷

Взяться за наследование означает принять требование огромной ответственности за прошлое, которое в момент наследования является делом будущности, не-насыщенным, не-завершенным временем для прихода того, что еще только должно быть изобретено. Оказываешься наследником чего-то, что приходит откуда-то еще, из прошлого, которого уже нет, но приходит, чтобы взыскать долг, и относительно последнего никто не уверен, сможет ли он его выплатить или даже вполне понять. Наследник, таким образом, обнаруживает себя в узловой точке истории, которая произвела его и которая толкает его к бесконечной ее интерпретации, заставляя быть ей преданным и в то же время предавать историю, следовать ей, в двойном смысле — приходиться после нее и принимать ее предписания, а именно не следовать ей, перечитывать ее, прививать ее другим обязательствам, неожиданным вопросам, ситуациям и дискурсам.

Один из способов приближения к этой констелляции вопросов в отношении «Московского дневника» состоит в том, чтобы сказать: то, что сохраняется в бесцельно, но внимательно странствующем по улицам Москвы Беньямине, мыслителе руин и того, что продолжает жить во фрагментированной, искаженной форме, — это остатки наследуемого. Но беньяминовские остатки, которые еще предстоит увидеть, в качестве наследства всегда должны быть получены заново. Размышляя о Беньямине в своей работе «Время покажет» (*Remain to be Seen*), американский философ Стэнли Кэвелл задается вопросом:

Зачем (согласно каким аллегориям) создавать работу, которая не может быть прочитана? Возможно, чтобы напомнить читателю, что его (ее) работы должны вечно отыскивать собственный конец. Зачем создавать работу, которая не может быть написана до конца? Возможно, чтобы напоминать писателю о причине бесконечно пробуждающегося страдания²⁸.

27. Ibid. P. 5–6.

28. Cavell S. Remains to be Seen // Walter Benjamin and the Arcades Project / B. Hanssen (ed.). L.: Continuum, 2006. P. 263.

Тексты Беньямина не обещают завершения и овладения, но, скорее, именно через без конца пробуждающееся страдание они приглашают, даже провоцируют будущие акты получения остатков наследства, которое может быть настолько же странным, насколько и Москва. Чтение и письмо более не соответствуют модели коммуникации, или «передачи контента», как говорят в нашу цифровую эпоху, но должны соотноситься с пониманием того, что, как говорит Беньямин, «мгновение узнаваемости в высшей степени соотносится с клеймом того критического, опасного момента, который лежит в основе всего чтения»²⁹.

Критический, опасный момент чтения, на который обращает внимание Беньямин, не следует воспринимать легкомысленно — или «только» фигуративно. Своеобразные модусы беньяминовской аргументации и аподиктический стиль всегда становились причиной трудностей для читателей «Московского дневника», равно как и других близких текстов, — и далеко не все читатели были готовы взять на себя обязательство своеобразного труда наследования, которого требуют его изречения. Конечно, плотность и оригинальность его мышления всегда работали так, чтобы обратить некоторых читателей в не-читателей, которые утверждают, почти как человек Кафки из деревни в эпизоде с привратником («Перед законом»), что они в принципе не могут найти входа в его мышление. Когда Беньямин пытался добиться права преподавать в германской университетской системе со своей хабилюционной работой по барочной немецкой драме (ее отклонили, что помешало ему приступить к академической карьере в Германии еще до того, как такая возможность была сведена на нет приходом к власти национал-социалистов), эксперт, которому поручено было оценить работу, возражал против исследования Беньямина, фактически даже не углубившись в него. Неокантианский философ Ханс Корнелиус в своем официальном докладе Университету Франкфурта от 7 июля 1925 года, за полтора года до поездки Беньямина в Москву, окончательно решая судьбу книги, писал:

Работа доктора Беньямина, которую меня попросили оценить, поскольку ее содержание связано с изучением искусства, читается чрезвычайно трудно. Множество используемых слов, смысл которых автор не считает необходимым пояснять, либо не имеют общепринятого значения вовсе, либо, если они понимаются

29. *Benjamin W. Passagen-Werk*. S. 578 (463).

в соответствии с их обычным значением, не дают отчетливого смысла в контексте, в котором они используются³⁰.

Корнелиус продолжает, рассказывая, что он, осознавая свое затруднительное положение, попросил у Бенямина краткое содержание книги о «Барочной драме», и тот удовлетворил запрос. Однако, утверждает Корнелиус, «и вновь у меня не было успеха в понимании этих разъяснений»³¹. Он приходит к заключению, что Бенямин, с его «невнятной манерой выражений (*unverständliche Ausdrucksweise*), которую следует все же интерпретировать как знак предметной неясности (*die doch wohl als Zeichen sachlicher Unklarheit gedeutet werden muß*), не может быть проводником или руководителем для студентов в этой области (*kein Führer auf diesem Gebiet sein kann*)»³². Да, можно сказать, что Бенямин не является *Führer*. Он, скорее, учит нас блуждать. Оставляя в стороне отказ Корнелиуса вникнуть в беняминовскую мысль даже на самом базовом уровне, поучительно будет задать вопрос, как изменится наша перспектива в отношении беняминовских слов и выражений, если ядро критики Корнелиуса, — состоящее в том, что Бенямин использует слова и понятия способом, не равнообъемным их повседневному использованию или модифицирующим их функцию без полного объяснения условий этой модификации, — будет увидено не как препятствие, которое нужно преодолеть на пути к сказочной стране абсолютной прозрачности и ясности, но, скорее, будет понято в точности как то, что первым делом позволяет наследовать провокативную беняминовскую работу. То есть что произойдет, если отсутствие соответствия с якобы общим местом и согласованным употреблением — соответствия, которое в конце концов ничего не оставит для интерпретации, ничего из того, что будет нуждаться в понимании, — будет необходимым предварительным условием для акта инновативного, строгого и никогда не ставящего точку чтения и, соответственно, *наследования*? Нельзя увидеть эти самые пункты критики Корнелиуса как маркирующие особую

30. Отчет Корнелиуса приведен по: *Lindner B. Habilitationsakte Benjamin. Über ein "akademisches Trauerspiel" und über ein Vorkapitel der "Frankfurter Schule"* (Horkheimer, Adorno) // *Walter Benjamin im Kontext* / B. Lindner (ed.). 2nd ed. Königstein im Taunus: Athenäum, 1985. P. 332. В эссе Буркхарда Линднера включены также другие документы, проливающие свет на политические, институциональные и философские обстоятельства попытки Бенямина завоевать следующую ученую степень — *doctor habilitatus*.

31. *Ibidem*.

32. *Ibid.* P. 333.

строгость, красоту и последующую жизнь слов и работ Беньямина, то есть исторический дрейф архива Беньямина как такового? Пересмотр таких текстов, как «Московский дневник», с точки зрения блуждания и исторического дрейфования также является попыткой удерживать эту возможность живой.

По ту сторону систематичности и завершенности беньяминовская констелляция настроена на темпорально и генеалогически опосредованный взгляд на наследство. Время наследования, как само беньяминовское время истории, бесконечно и открыто, то есть не осуществлено и потому радикально ведомо иным. Наши прочитывания и перетолковывания будут призваны не только изобретать новые способы наследования рассредоточенных осколков, фрагментов и руин интеллектуального маршрута Беньямина; они также будут с трудом пробиваться пока еще неизвестными путями к неисчерпаемым изречениям и образам, которые отдадут должное вызывающей беспокойство, но неизбежной незавершенности всякого исторически зафиксированного акта наследования непокорного наследства. Эти новые формы наследования и сопутствующие им акты чтения будут стремиться показать себя восприимчивыми как к требованию замедления, заботы и осмотрительности, так и к неодолимой политической настоятельности, которая не только наполняет беньяминовский образ Москвы, но также видоизменяет его два года спустя в эссе о сюрреализме, — образ исторического будильника, который сопровождает движение блуждания своими ударами не без какого-то порядка, но каждую минуту, за шестьдесят секунд.

Библиография

- Benjamin A. E. Working with Walter Benjamin: Recovering a Political Philosophy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.
- Benjamin W. Briefe. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1966.
- Benjamin W. Gesammelte Briefe. Bd. I. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. La traduction — le pour et le contre // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. VI. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Moscow Diary. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.
- Benjamin W. Passagen-Werk // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. V. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. The Arcades Project. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Benjamin W. The Correspondence. 1910–1940. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Benjamin W. Translation — for and against // Idem. Selected Writings. Vol. 3 / M. W. Jennings et al. (eds). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
- Benjamin W. Trauerspiel and Tragedy // Idem. Selected Writings. Vol. 1 / M. W. Jennings et al. (eds). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.

- Benjamin W. Trauerspiel und Tragödie // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. II. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Bolz N. Gnosis and Systems Theory: A Conversation between Norbert Bolz and Michael Hirsch // Adorno Th. The Possibility of the Impossible / N. Schafhausen, V. J. Müller, M. Hirsch (eds). B.: Lukas & Sternberg, 2003.
- Cavell S. Remains to be Seen // Walter Benjamin and the Arcades Project / B. Hanssen (ed.). L.: Continuum, 2006.
- Derrida J. Specters of Marx. N.Y.: Routledge, 1994.
- Derrida J. Spectres de Marx. P.: Galilée, 1993.
- Derrida J., Roudinesco E. For What Tomorrow... A Dialogue. Stanford: Stanford University Press, 2004.
- Fenves P. The Messianic Reduction: Walter Benjamin and the Shape of Time. Stanford: Stanford University Press, 2011.
- Friedlander E. Walter Benjamin: A Philosophical Portrait. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012.
- Hegel G. W. F. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie // Idem. Werke. Bd. 2 / E. Moldenhauer, K. M. Michel (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1986.
- Lindner B. Habilitationsakte Benjamin. Über ein "akademisches Trauerspiel" und über ein Vorkapitel der "Frankfurter Schule" (Horkheimer, Adorno) // Walter Benjamin im Kontext / B. Lindner (Hg.). Königstein im Taunus: Athenäum, 1985.
- Lingis A., Zournazi M. Murmurs of Life: A Conversation with Alphonso Lingis // Hope: New Philosophies for Change / M. Zournazi (ed.). N.Y.: Routledge, 2002.
- Mehlman J. Walter Benjamin for Children: An Essay on His Radio Years. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- Menke B. Das Trauerspiel-Buch: Der Souverän — das Trauerspiel — Konstellationen — Ruinen. Bielefeld: Transcript, 2010.
- Mosès S. The Angel of History: Rosenzweig, Benjamin, Scholem. Stanford: Stanford University Press, 2009.
- Nietzsche F. Also sprach Zarathustra // Idem. Kritische Studienausgabe. Bd. 4 / G. Colli, M. Montinari (Hg.). München; B.: Deutscher Taschenbuch; De Gruyter, 1999.
- Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Richter G. Can Anything Be Rescued by Defending It? Benjamin with Adorno // Differences. 2010. Vol. 21. № 3. P. 34–52.
- Richter G. Inheriting Walter Benjamin. L.: Bloomsbury, 2016.
- Richter G. Verwaiste Hinterlassenschaft. Formen gespenstischen Erbens. B.: Matthes & Seitz, 2016.
- Richter G. Walter Benjamin and the Corpus of Autobiography. Detroit: Wayne State University Press, 2000.
- Schestag T. «Diese Hand...»: Walter Benjamin kritzelt // Lesen — Sprechen — Schreiben (Kritzeln). B.: Matthes und Seitz, 2014. S. 67–117.
- Urbich J. Darstellung bei Walter Benjamin: Die "Erkenntniskritische Vorrede" im Kontext ästhetischer Darstellungstheorien der Moderne. B.: De Gruyter, 2012.
- Žižek S. First as Tragedy. Then as Farce. L.: Verso, 2009.
- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005.
- Шодем Г. Предисловие // Беньямин В. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 2014.
- Эйланд Х., Дженнингс М. Вальтер Беньямин: жизнь в критике. М.: Дело, 2017.

STRAYING, DRIFTING, INHERITING: WALTER BENJAMIN'S
THE MOSCOW DIARY

GERHARD RICHTER. Professor of German Studies and Comparative Literature,
Chair of German Studies, gerhard_richter@brown.edu.
Brown University, 190 Hope str., Providence, Rhode Island 02912, USA.

Keywords: Walter Benjamin; The Moscow Diary; inheritance; philosophy of history;
Moscow; interpretation.

This essay investigates the relationship between, on the one hand, Walter Benjamin's concept of cultural, theoretical, and personal inheritance, and, on the other hand, his phenomenologically inflected account of Moscow as it emerges in his *Moscow Diary* (written in the winter months of 1926–1927). Here, nothing safeguards the conceptual or experiential redemption of Benjamin's drifting through the streets of Moscow or his enigmatic encounters there with Mayakovsky, Bely, and Lelevich. Instead, the act of inheriting is intricately bound up with the permanent possibility of absolute failure, radical loss, uncircumventable finitude, and inconsolable mourning—much like Benjamin's experience of Moscow itself, in which, as he writes, “nowhere does Moscow look like the city itself.” On the far side of systematicity and closure, the time of inheritance, like Benjamin's time of history itself, emerges as infinite and open, unfulfilled and therefore radically other-directed.

These new forms of inheriting and their attendant acts of reading will wish to show themselves receptive both to the demand for slowness, care, and circumspection and to the irrepressible political urgency that not only suffuses Benjamin's image of Moscow but also inflects his subsequent image, two years later in the essay on Surrealism, of the historical alarm clock that accompanies the movement of straying by ringing, not occasionally, but for sixty seconds every minute.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-1-157-176

References

- Benjamin A. E. *Working with Walter Benjamin: Recovering a Political Philosophy*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2013.
- Benjamin W. *Briefe*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1966.
- Benjamin W. *Gesammelte Briefe. Bd. I*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. La traduction — le pour et le contre. *Gesammelte Schriften. Bd. VI*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. *Moscow Diary*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1986.
- Benjamin W. *Passagen-Werk. Gesammelte Schriften. Bd. V*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. *The Arcades Project*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.
- Benjamin W. *The Correspondence. 1910–1940*, Chicago, University of Chicago Press, 1994.
- Benjamin W. Translation — for and against. *Selected Writings. Vol. 3* (eds M. W. Jennings et al.), Cambridge, MA, Harvard University Press, 2002.
- Benjamin W. *Trauerspiel and Tragedy. Selected Writings. Vol. 1* (eds M. W. Jennings et al.), Cambridge, MA, Harvard University Press, 2002.
- Benjamin W. *Trauerspiel und Tragödie. Gesammelte Schriften. Bd. II*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.

- Bolz N. Gnosis and Systems Theory: A Conversation between Norbert Bolz and Michael Hirsch. In: Adorno Th. *The Possibility of the Impossible* (eds N. Schafhausen, V. J. Müller, M. Hirsch), Berlin, Lukas & Sternberg, 2003.
- Cavell S. Remains to be Seen. *Walter Benjamin and the Arcades Project* (ed. B. Hanssen), London, Continuum, 2006.
- Derrida J. *Specters of Marx*, New York, Routledge, 1994.
- Derrida J. *Spectres de Marx*, Paris, Galilée, 1993.
- Derrida J., Roudinesco E. *For What Tomorrow... A Dialogue*, Stanford, Stanford University Press, 2004.
- Eiland H., Jennings M. *Val'ter Ben'iamin: zhizn' v kritike* [Walter Benjamin: A Critical Life], Moscow, Delo, 2017.
- Fenves P. *The Messianic Reduction: Walter Benjamin and the Shape of Time*, Stanford, Stanford University Press, 2011.
- Friedlander E. *Walter Benjamin: A Philosophical Portrait*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2012.
- Hegel G. W. F. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie. *Werke. Bd. 2* (Hg. E. Moldenhauer, K. M. Michel), Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1986.
- Lindner B. Habilitationsakte Benjamin. Über ein "akademisches Trauerspiel" und über ein Vorkapitel der "Frankfurter Schule" (Horkheimer, Adorno). *Walter Benjamin im Kontext* (Hg. B. Lindner), Königstein im Taunus, Athenäum, 1985.
- Lingis A., Zournazi M. Murmurs of Life: A Conversation with Alphonso Lingis. *Hope: New Philosophies for Change* (ed. M. Zournazi), New York, Routledge, 2002.
- Mehlman J. *Walter Benjamin for Children: An Essay on His Radio Years*, Chicago, University of Chicago Press, 1993.
- Menke B. *Das Trauerspiel-Buch: Der Souverän — das Trauerspiel — Konstellationen — Ruinen*, Bielefeld, Transcript, 2010.
- Mosès S. *The Angel of History: Rosenzweig, Benjamin, Scholem*, Stanford, Stanford University Press, 2009.
- Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. *Kritische Studienausgabe. Bd. 4* (Hg. G. Colli, M. Montinari), München, Berlin, Deutscher Taschenbuch, De Gruyter, 1999.
- Nietzsche F. *Thus Spoke Zarathustra*, Cambridge, Cambridge University Press, 2006.
- Nietzsche F. *Volia k vlasti* [Der Wille zur Macht], Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, 2005.
- Richter G. Can Anything Be Rescued by Defending It? Benjamin with Adorno. *Differences*, 2010, vol. 21, no. 3, pp. 34–52.
- Richter G. *Inheriting Walter Benjamin*, London, Bloomsbury, 2016.
- Richter G. *Verwaiste Hinterlassenschaft. Formen gespentischen Erbens*, Berlin, Matthes & Seitz, 2016.
- Richter G. *Walter Benjamin and the Corpus of Autobiography*, Detroit, Wayne State University Press, 2000.
- Schestag T. «Diese Hand...»: Walter Benjamin kritzelt. *Lesen — Sprechen — Schreiben (Kritzeln)*, Berlin, Matthes und Seitz, 2014, S. 67–117.
- Scholem G. Predislovie [Foreword]. In: Benjamin W. *Moskovskii dnevnik* [Moskauer Tagebuch], Moscow, Ad Marginem, 2014.
- Urbich J. *Darstellung bei Walter Benjamin: Die "Erkenntniskritische Vorrede" im Kontext ästhetischer Darstellungstheorien der Moderne*, Berlin, De Gruyter, 2012.
- Žižek S. *First as Tragedy. Then as Farce*, London, Verso, 2009.